

Орлова Т.С.

ГОРОДСКОЙ ХРОНОТОП И ПОЭТИКА ПАМЯТИ В РОМАНАХ КАДЗУО ИСИГУРО

Аннотация

Цель исследования – определить функции городских локусов в прозе Кадзуо Исигуро и их роль в конструировании памяти и идентичности персонажей на материале его романов: «Художник зыбкого мира» (1986), «Когда мы были сиротами» (2000), «Безутешные» (1995). В работе проанализировано, как урбанистические пространства в художественном мире писателя наделяются символическими значениями и становятся инструментами репрезентации исторического опыта и личных переживаний героев. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно рассмотрена роль городского пространства в прозе Исигуро. В статье показано, что Кадзуо Исигуро использует мотивы лабиринта, замкнутого круга, разрушенного квартала и лиминального моста для конструирования особой топографии. Городские локусы в его произведениях выполняют не декоративную, а структурообразующую функцию, позволяя соединить индивидуальное переживание и коллективную память. Анализ текстов Кадзуо Исигуро показывает, что город в его прозе формирует напряженное пространство перехода – между прошлым и настоящим, личным и историческим, реальным и воображаемым. Интерпретация городских локусов в этом контексте позволяет выявить механизмы трансформации индивидуальной и коллективной идентичности в условиях изменяющейся культурной памяти. По результатам исследования установлено, что структура городских пространств у Кадзуо Исигуро моделирует психологическую динамику персонажей, а изменения топографии напрямую связаны с их внутренними кризисами.

Ключевые слова

Хронотоп; городской локус; Исигуро; «Художник зыбкого мира»; «Безутешные».

Orlova T.S.

THE URBAN CHRONOTOPE AND MEMORY POETICS IN KAZUO ISHIGURO'S FICTION

Abstract

The aim of the study is to define the functions of urban loci in Kazuo Ishiguro's prose and to determine their role in constructing memory and the identity of the characters in his novels: "The Artist of the Unstable World" (1986), "When We Were Orphans" (2000), "The Unconsoled" (1995). The article analyzes how urban spaces in the writer's fictional world acquire symbolic meanings and become instruments for representing both historical experience and the personal feelings of the protagonists. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time, the role of urban space in Ishiguro's prose is examined in a comprehensive way. The article demonstrates that Ishiguro employs the motifs of the labyrinth, the closed circle, the ruined district, and the liminal bridge to construct a specific topography. Urban loci in his works serve not as a decorative element but as a structuring device, enabling the interrelation of individual experience and collective memory. Particular attention is paid to how urban landscapes become a medium for the work of memory: characters return to familiar streets in order to relive their losses, or they wander through alien quarters, encountering the disintegration of former ties. The analysis of Ishiguro's texts reveals that the city in his prose forms a tense transitional space – between past and present, private and historical, real and imagined. The interpretation of urban loci in this context makes it possible to identify the mechanisms of transformation of individual and collective identity under the conditions of changing cultural memory.

Key words:

Chronotope; urban locus; Ishiguro; An Artist of the Floating World; The Unconsoled.

Введение

Городские локации как элементы хронотопа раскрывают темы памяти, идентичности и исторической травмы, что соответствует современному литературоведческому интересу к пространству. Исследование городских локусов в романах Исигуро позволяет выявить роль урбанистического пространства в осмыслении темы памяти, личной и исторической травмы.

Актуальность исследования обусловлена возможностью понять механизм взаимодействия внутреннего мира героя с историческими событиями и личным прошлым. В частности, послевоенный Нагасаки, современный Лондон и вымышленный город из «Безутешных» обнаруживают стойкие связи между географией и психологией персонажей.

Задачи исследования:

1. рассмотреть функции городских локусов в прозе Исигуро как носителей личной и коллективной памяти;
2. проанализировать художественное и символическое воплощение Шанхая, Лондона и европейского города как пространств дезориентации, утраты и травмы;
3. охарактеризовать поэтику городских локусов и замкнутых пространств.

Материалом исследования послужили романы К. Исигуро: «Худож-

ник зыбкого мира» (1986), «Когда мы были сиротами» (2000), «Безутешные» (1995), также литературно-критические источники по творчеству писателя, которые позволили проследить, как Исигуро изображает городское пространство в разных культурно-исторических условиях.

Для изучения художественных образов городов Исигуро использовался литературоведческий анализ художественного текста, позволивший выявить взаимосвязь пространственных образов с нарративной организацией текста.

В работе хронотоп понимается как категория, обозначающая закономерную связь пространственно-временных координат и рассматривается как органичное сочетание городского пространства и памяти. Локус трактуется как элемент художественной среды, к которому привязано действие и восприятие героя. Городской локус – любой городской объект или пространство, который в романе приобретает символическое значение при описаниях внутренних состояний героев. В этом контексте уместно привести высказывание В.Н. Топорова, где подчеркивается, что «пространство определяется через совокупность путей, которые могут находиться в нем» [Топоров 2004, 86] (цит. по: [Михейкина 2020, 104]).

Теоретической базой исследования послужила теория хронотопа М.М. Бахтина [Бахтин 1975, 234–236] для осмысления взаимосвязи временных и пространственных отношений в тексте. Понятие локуса в исследовании понимается как значимый элемент художественного пространства, организующий «топос» повествования. В анализе символики пространства опираемся на феноменологический подход Г. Башляра [Башляр 2004], рассматривавшего пространство в литературе как проекцию человеческого сознания. Также учтены исследования творчества Исигуро, посвященные проблемам памяти и пространства: работы Д. Гуо (D. Guo) «Травма, память и история в произведениях Исигуро» («Trauma, Memory and History in Ishiguro's Fiction», 2012) и А.А. Михейкиной [Михейкина 2020; Михейкина 2021; Михейкина 2024; Михейкина 2025], в которых отмечена ключевая роль памяти и пространства. Сочетание этих и других теоретических и литературоведческих источников позволило осветить заявленную проблему.

Обсуждение и результаты

В прозе Исигуро городские пространства, насыщенные призраками прошлого, функционируют как вместилище памяти – личной и коллективной, а также отражают мотив забвения [Михейкина 2020, 105]. Например, таким пространством становится Шанхай в романе «Когда мы были сиротами», в котором главный герой Бэнкс, вернувшийся в 1937 г. из Англии в родной Шанхай, оказывается в разрушенном городе: идет война, японская армия осаждает части города.

Так, в романе «Остаток дня» хронотоп выстроен на пересечении пути и воспоминания: дорожное движение героя сопровождается постоянным возвращением в прошлое. В этом контексте показательным наблюдением Т.Л. Селитриной, отмечающей, что у Исигуро «главам книги присваиваются названия английских городов и местностей, но автор более озабочен пейзажем человеческой души, анализом духовного климата рассказчика» [Селитрина 2018, 127]. Эта мысль подчеркивает характерную для писателя тенденцию за счет динамики памяти персонажа превращать географическое пространство во внутренний ландшафт протагониста. В «Художнике зыбкого мира», «Когда мы

были сиротами» и «Безутешных» локусы становятся своеобразными продолжениями психического состояния героя, фиксируя границы между личной и исторической памятью.

Как отмечает Я.В. Погребная, в романах Исигуро «современному неомифологизму изоморфно формирование своеобразного хронотопа, сочетающего синхроническое освоение пространства с диахроническим познанием времени» [Погребная 2018, 193]. Эта закономерность, по мысли исследовательницы, проявляется в совмещении «разных точек зрения на “свое” и “чужое”», что ведет к формированию у Исигуро новой картины мира, в которой пространство становится медиатором между исторической памятью и личным опытом.

Данное замечание соотносится с задачами настоящего исследования: хронотоп у Исигуро действительно соединяет внутреннее и внешнее, личное и культурное, превращая городские локусы – мосты, улицы, кварталы – в места встречи прошлого и настоящего, реального и воображаемого.

Роман «Когда мы были сиротами» многократно возвращается к мотиву нестабильности места и памяти: действие перемещается из Лондона в Шанхай и обратно, герой нигде не может найти дома (“lack of settlement” – нестабильность – является сквозной идеей). Город здесь – не просто фон, а активный участник «работы памяти» героя [Zinck 2005, 134]. Личная память героя перемежается с топографией города: старые фотографии, знакомые названия улиц (например, улица Надежды в Шанхае) – все это становится триггером для воспоминания и одновременно подчеркивает невозможность вернуть утраченное прошлое [Shang 2017, 3]. Найдя разгадку семейной тайны, герой понимает, что город детства жив только в его воображении, а реальность незаметно превратилась в «чужую страну», «детство становится будто бы чужбиной» [Jaffe 2001, 93]. Шанхай символично представлен как интернациональный город, сочетающий черты Востока и Запада. Бэнкс, будучи британцем японского происхождения, воплощает этот культурный синтез, а расколотое пространство колониального города отражает кризис его идентичности [Guo 2012, 2510–2511].

В романе «Безутешные» город, по выражению критика С. Босе, напоминает «растянутый во времени кошмар, где нарушены законы физики: дороги не ведут туда, куда должны, здания случайно соединены коридорами» [Bose 2017]. Это не город, а лабиринт, в котором герой утрачивает возможность ориентироваться и обречен на вечное возвращение. В эпизоде с поиском квартиры, пространство предстает как кольцо:

Вскоре я вновь случайно глянул на озеро и удивился тому, что в этот раз смотрю на него под совершенно иным углом. Только сейчас я понял, что галерея описывает круг вдоль всего микрорайона. Мы могли бы ходить так, кругами, бесконечно долго [Исигуро 2001, 191].

Мотив замкнутого круга выражает невозможность восстановить утраченное прошлое: движение не ведет к цели, а лишь повторяет само себя. Читатель вместе с героем погружается в дезориентирующее пространство: множество проходов, лифтов, круговых маршрутов образуют впечатление замкнутого круга, что напоминает продолжение кафкианской абсурдистской традиции.

Образ бесконечного повторения усиливается в финале романа: «Этот трамвай привезет вас практически куда угодно. Мы называем его “утренний кольцевой”. Есть еще и вечерний кольцевой. Дважды в день трамвай описывает полное кольцо. Да, им вы доедете куда угодно» [Исигуро 2001, 464]. Па-

радоксальная формула «куда угодно» при движении по кольцу подчеркивает иллюзорность выбора и невозможность выхода из замкнутости.

Райдер постоянно оказывается в длинных, изогнутых переходах с повторением деталей, где ощущение выхода ускользает: «Коридор описывал дугу. Навстречу мне попало много народу, но у всех был озабоченный и даже удрученный вид... Мне уже начало казаться, что коридор представляет собой полную окружность» [Исигуро 2001, 366]. Само слово «коридор» (81 употребление) сопровождается эпитетами, подчеркивающими тревожность и дезориентацию, при этом пространства (не только коридоров, но и лестниц) отличаются «скудным освещением» [Исигуро 2001, 137, 366, 429, 451]. Подобные описания формируют ощущение замкнутого пространства, где движение вперед загоняет героя в гнетущую неопределенность.

Иллюзорность ориентации подчеркивается постоянной трансформацией пространства. Один и тот же коридор в зависимости от сцены выглядит по-разному: «Я намеревался найти Хоффмана <...> но, стремительно следуя по коридору, я сообразил, что понятия не имею, где искать управляющего. Более того, сам коридор выглядел сейчас не так, как раньше» [Исигуро 2001, 371].

В романе «Художник зыбкого мира» показан японский город конца 1940-х гг., переживающий последствия войны и оккупации. Здесь городские локусы – например, бывший развлекательный квартал, мост, соединяющий старый квартал с новым, – обретают важное символическое значение. Трансформация городского ландшафта связана с внутренней драмой художника Оно, который вспоминает довоенные годы, когда кипела жизнь ночного города (рестораны, гейши, артистические вечеринки). После войны от этого почти ничего не осталось: старый квартал сровняли с землей, бары закрылись, на их месте строятся офисы. Физическая перестройка города отражает смену эпох: гибель квартала символизирует уход традиционной культуры и приход более прагматичного, «офисного» времени.

Ключевым образом становится Мост Сомнений, через который протагонист ходит из своего дома в центр города:

А если у подножия того холма, на котором стоит мой дом, вы остановитесь ненадолго на мосту Сомнений и оглянетесь назад, на бывший наш «веселый квартал», то, если еще не совсем стемнело, сумеете, наверное, разглядеть цепочку старых телеграфных столбов с оборванными проводами [Исигуро 2010].

Локус превращается в символ исторического разрыва: оборванные провода, на которых прежде сидели птицы «как ноты на нотных линейках», воплощают утрату прежней гармонии: «на дальнем пустыре над грудами мусора поднимаются два столба дыма <...> отчего-то эти столбы дыма вызвали у меня приступ жестокой меланхолии. Они напоминали погребальные костры» [Исигуро 2010]. Пространство бывшего квартала превращается в кладбище памяти, где обычные явления (огонь, дым) обретают траурный символизм.

В кульминационный момент именно с моста Сомнений художник наблюдает, как исчезает прежний облик города:

Теперь там все перестроено и стало совершенно неузнаваемым <...> На месте бара госпожи Каваками висится четырехэтажное здание какого-то офиса со стеклянным фасадом <...> целые толпы

служащих в ярко-белых рубашках <...> источают оптимизм и энтузиазм [Исигуро 2010].

Мост становится точкой пересечения ностальгии и обновления: конкретный городской локус приобретает смысл порога, лиминального пространства [Eckert 2022, 128–130].

Кристофер Бэнкс в романе «Когда мы были сиротами» с детства связан с двумя городами: Лондоном и Шанхаем. В начале романа слышны отголоски его детских воспоминаний – в основном, в идиллическом описании Лондона 1920-х гг., где он «наслаждался прогулками по лондонским паркам <...> бродил по улицам Кенсингтона, строя планы... останавливался ненадолго, чтобы полюбоваться фасадами великолепных домов, увитых плющом» [Исигуро 2011]. Городской локус – тихий Кенсингтон – символизирует беззаботное детство и ощущение безопасности, а также дает представление о мирной Англии, где время течет размеренно и очень отличается от шанхайского хаоса. Воспоминания Бэнкса о Шанхае строятся как хрупкий миф о потерянном доме, который разрушается под напором реальности. Исигуро подчеркивает зыбкость этого образа: «Шанхай моего детства уже не существует. Те улицы, по которым я бродил с матерью, дома наших друзей, сады – все это оказалось лишь тенями, которые сохранились в памяти. Я возвращаюсь туда и вижу чужой, враждебный город» [Исигуро 2011].

Ощущение дезориентации проявляется в описании местной повседневности. Бэнкс замечает, что в городе существует «ритуал заслонять обзор», когда люди, независимо от национальности, буквально перекрывают пространство перед глазами собеседника:

Стоило войти в комнату или выйти из машины, как кто-нибудь, широко улыбаясь, непременно вырастал прямо передо мной, загородив все поле зрения и лишив возможности видеть что-либо вокруг. <...> Представители всех национальностей, составляющие местную общину – англичане, китайцы, французы, американцы, японцы, русские, – вполне усвоили и с одинаковым рвением исполняли вышеозначенный ритуал, откуда следует неотвратимый вывод: этот обычай – уникальное достояние международного шанхайского сеггльмента, единственно способное сокрушить все здешние расовые и классовые барьеры [Исигуро 2011].

Это тотальное «перекрытие перспективы» символизирует невозможность героя ясно увидеть ни пространство, ни собственное прошлое.

В произведениях Исигуро место действия, «открытые и закрытые пространства служат для углубления психологизма, отражая настроение, душевное состояние или особенности личности персонажей» [Михейкина 2024, 81]. Писатель искусно выстраивает хронотоп, чтобы исследовать тонкие психологические и моральные проблемы, при этом городской локус оказывается гибким инструментом, позволяющим связать частную историю с широкой культурной перспективой.

Заключение

Анализ поэтики городских локусов у Исигуро позволил глубже понять уникальность его художественного метода. Используя хронотоп города, писа-

тель достигает эффекта универсализации частных историй: упоминая городские локусы (Лондон, Шанхай или вымышленный город в Европе) он говорит о всеобщем опыте памяти, утраты и примирения с прошлым. Исигуро определенно вписывает город в число главных героев своей прозы.

Шанхай, Лондон, европейский город N и послевоенный японский город становятся пространствами дезориентации, травматических воспоминаний. В каждом случае городская среда – улицы, кварталы, мосты, коридоры – обретает символизм. Лабиринт превращается в метафору утраченного дома, мост – в порог между прошлым и будущим, а кольцевой маршрут – образ замкнутого времени. Художественный город Исигуро оказывается не декорацией, а подвижным хронотопом, позволяющим раскрыть психологическое состояние персонажей и историческую драму общества. Исследование поэтики городских локусов демонстрирует, что пространство у писателя функционирует как форма памяти – личной и коллективной, – давая героям возможность переоценки событий, мест и своей роли в этом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 373 с.
3. Исигуро К. Безутешные. СПб.: Symposium, 2001. 668 с.
4. Исигуро К. Когда мы были сиротами. М.: Эксмо, 2011. 395 с.
5. Исигуро К. Художник зыбкого мира. СПб.: Эксмо, 2010. 298 с.
6. Михейкина А.А. Мифопоэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: автореферат дис. ... к. филол. н. Калининград, 2021. 22 с.
7. Михейкина А.А. Онейрическое пространство в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. № 4. С. 100–106.
8. Михейкина А.А. Особенности хронотопа в рассказах Кадзуо Исигуро *Crooner* и *Come Rain or Come Shine* // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. № 29. С. 74–81.
9. Михейкина А.А. Поэтика рассказа Кадзуо Исигуро «Malvern Hills» // Ученые записки НовГУ. 2025. № 1 (56). С. 85–93.
10. Погребная Я.В. Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: европейский интертекст и японский подтекст // *ARTICULT*. 2018. № 4. С. 191–199.
11. Селитрина Т.Л. Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 4. С. 125–134.
12. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 818 с.
13. Bose S. Crushed Cadences and Vented Rests: Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled* // *The American Scholar*. 2017. URL: <https://theamericanscholar.org/crushed-cadences-and-vented-rests/#:~:text=From%20the%20start%2C%20Ishiguro%20stretches,Oddly%2C%20Ryder%20happens%20to%20know> (дата обращения: 01.03.2026).
14. Eckert K. Repression and Omission in Kazuo Ishiguro's *A Pale View of Hills* // *Symbolism: An International Annual of Critical Aesthetics*. 2022. № 22. P. 121–142.
15. Guo D. Trauma, Memory and History in Kazuo Ishiguro's Fiction // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. № 12. P. 2508–2516.
16. Jaffe V. Fatal Ambition: Kazuo Ishiguro's *When We Were Orphans* // *The Brooklyn Rail*. 2001. P. 89–94.
17. Shang B. The Maze of Shanghai Memory in Kazuo Ishiguro's *When We Were Orphans* // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2017. № 3. P. 1–10.

18. Zinck P. The Palimpsest of Memory in Kazuo Ishiguro's *When We Were Orphans* // *Études britanniques contemporaines*. 2005. № 29. P. 129–139.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Eckert K. Repression and Omission in Kazuo Ishiguro's *A Pale View of Hills*. *Symbolism: An International Annual of Critical Aesthetics*, 2022, no. 22, pp. 121–142. (In English).
2. Guo D. Trauma, Memory and History in Kazuo Ishiguro's Fiction. *Theory and Practice in Language Studies*, 2012, vol. 2, no. 12, pp. 2508–2516. (In English).
3. Mikheykina A.A. Oneyricheskoye prostranstvo v romane Kadzuo Isiguro "Pogrebenny velikan" [The Oneiric Space in Kazuo Ishiguro's Novel "The Buried Giant"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2020, no. 4, pp. 100–106. (In Russian).
4. Mikheykina A.A. Osobennosti khronotopa v rasskazakh Kadzuo Isiguro Crooner i Come Rain or Come Shine [Features of the Chronotope in Kazuo Ishiguro's Short Stories "Crooner" and "Come Rain or Come Shine"]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika*, 2024, no. 29, pp. 74–81. (In Russian).
5. Mikheykina A.A. Poetika rasskaza Kadzuo Isiguro "Malvern Hills" [The Poetics of Kazuo Ishiguro's Short Story "Malvern Hills"]. *Uchenyye zapiski NovGU*, 2025, no. 1 (56), pp. 85–93. (In Russian).
6. Pogrebnyaya Ya.V. Poetika romana Kadzuo Isiguro "Pogrebenny velikan": yevropeyskiy intertekst i yaponskiy podtekst [The Poetics of Kazuo Ishiguro's Novel "The Buried Giant": European Intertext and Japanese Subtext]. *ARTICULT*, 2018, no. 4, pp. 191–199. (In Russian).
7. Selitrina T.L. Pamyat' i narrativ v romane K. Isiguro "Ostatok dnya" [Memory and Narrative in K. Ishiguro's Novel "The Remains of the Day"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 125–134. (In Russian).
8. Shang B. The Maze of Shanghai Memory in Kazuo Ishiguro's *When We Were Orphans*. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2017, no. 3, pp. 1–10. (In English).
9. Zinck P. The Palimpsest of Memory in Kazuo Ishiguro's *When We Were Orphans*. *Études britanniques contemporaines*, 2005, no. 29, pp. 129–139. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

10. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy po-etike [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Essays in Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russian).

(Monographs)

11. Bachelard G. *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Selected Works: The Poetics of Space]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 373 p. (In Russian).
12. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics]. Vol. 1: Teoriya i nekotoryye chastnyye yeye prilozheniya [Theory and Some of Its Applications]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 818 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

13. Mikheykina A.A. *Mifopoetika romana Kadzuo Isiguro "Pogrebenny velikan"* [Mythopoetics of Kazuo Ishiguro's Novel "The Buried Giant"]. PhD Thesis Abstract. Kaliningrad, 2021, 22 p. (In Russian).

Орлова Татьяна Сергеевна,

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица.

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин.

Научные интересы: зарубежная литература, английский роман, Кадзуо Исигуро, интермедиальность, кинематографичность литературы, онейрические мотивы.

E-mail: ots_prof3@mail.ru

ORCID ID: 0009-0003-5512-6444

Tatiana S. Orlova,

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design.

Senior teacher at the Department of Humanities and Engineering Disciplines.

Research interests: foreign literature, the English novel, Kazuo Ishiguro, intermediality, cinematic literature, oneiric motifs.

E-mail: ots_prof3@mail.ru

ORCID ID: 0009-0003-5512-6444